

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье. 10-го июня 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9105.

МИНІАТЮРЫ.

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

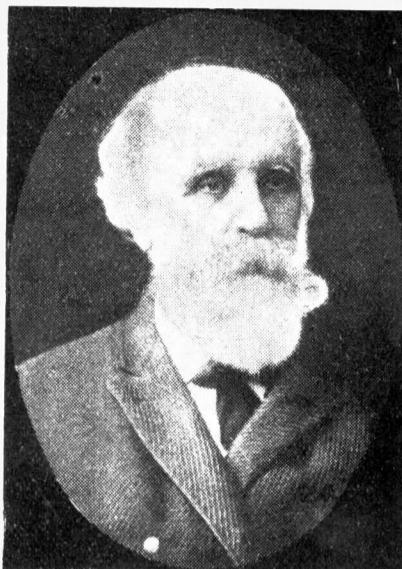
1.

— „Прощай, милый, и вспоминай, иногда про свою маленькую Зиночку!“

Она стояла перед нимъ въ кофточкѣ и шляпкѣ, готовая уйти. Комната была погружена въ полумракъ, и при невѣрномъ свѣтѣ уличного фонаря онъ видѣлъ ея блѣдное лицо съ большими глазами ребенка. Но теперь онъ этихъ глазъ не узнавалъ: столько въ нихъ было печальной рѣшимости. А ея коралловыя губки, къ которымъ онъ столько разъ прижимался въ блаженномъ экстазѣ, повторяли теперь что-то холодное и чужое: прошай, можетъ быть, навсегда..

Прошай! Сколько разъ она повторяла это сегодня! Женские капризы! И онъ посмотрѣлъ на нее побѣдоносными смѣющимися глазами.

— Неужели, Зина, ты меня таки ни капельки больше не любишь? Онъ, взялъ ея правую ручку, еще не затянутую въ перчатку, и цѣловалъ маленькие розовые пальчики. Съ каждымъ изъ нихъ для него связывалась цѣлая поэма. Но какъ

А. Н. Стояновъ,
заслуженный профессоръ Харьковскаго
университета. Скончался 2 июня.

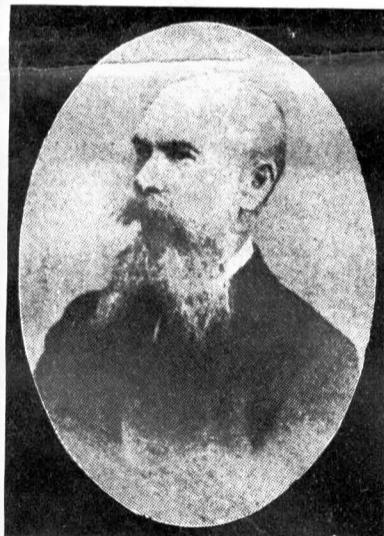
живть только для нихъ и такъ рано отказатьсь отъ личнаго счастья? Онъ тихо ласкалъ ея холодную ручку и старался заглянуть въ опущенные глаза. А внутренно онъ дрожалъ, какъ ждущій смертнаго приговора.

— Какъ бы тебѣ это объяснить, Саша?.. Она все не поднимала глазъ. Видишь ли, я за этотъ годъ стала другой, и этимъ я тебѣ обязана. Ты меня научилъ думать и полюбить книгу, ты разбудилъ во мнѣ новую жизнь. Ахъ, какъ я тебѣ благодарна, если бы ты зналъ! Она подняла къ нему свои сияющіе глазки и горячо сжимала его пальцы. Этого года счастья хватитъ мнѣ на всю жизнь. Я отдамъ всю себя моимъ дѣвочкамъ, я попытаюсь сдѣлать изъ нихъ настоящихъ людей..

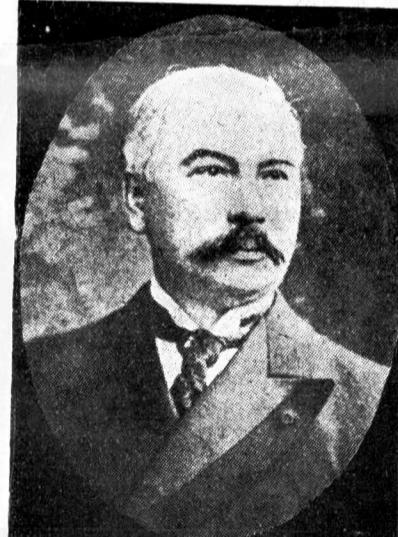
Ея голосокъ зазвучалъ такъ торжественно, какъ будто она мысленно давала святую клятву, и это такъ странно гармонировало съ мягкой женственностью всего ея существа.

Итакъ, онъ самъ вырылъ могилу для ихъ любви! И молнией пронеслась черезъ его мозгъ исторія ихъ короткаго романа. Это было на дачѣ, когда сезонъ уже прихо-

КЪ КОНФЕРЕНЦІИ МИРА ВЪ ГААГѢ.

А. Н. Нелидовъ,
русскій посолъ въ Парижѣ и первый
уполномоченный русской delegaciї.

Ф. Ф. Мартенсъ,
профессоръ, второй уполномоченный
русской delegaciї.

И. А. Овчинниковъ,
членъ русской delegaciї.

холодны они были теперь, какъ они дрожали! Подъ его увѣреннымъ взглядомъ она опустила свои дѣтския затуманенные глаза.

— Конечно, люблю, и ты, Саша, это знаешь, но я своихъ дѣтей люблю больше и иначе, чѣмъ тебя. Мои чудныя дѣвочки! горячо вырвалось у нея, и глаза засияли, какъ у Мадонны. Нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу. Ты понимаешь, да? Когда я возвращаюсь отъ тебя, и эти ангелы со своими чистыми глазами спрашивываютъ: где ты была, мама?.. Ты не смеялся, о, онъ уже многое понимаютъ! Нѣтъ, нѣтъ, это свыше моихъ силъ. Я

хочу своимъ милымъ куколкамъ глядѣть прямо въ глаза.

И, вынувъ изъ ридикюля надушенный платочекъ, она прижимала его къ мокрымъ глазамъ.

Бѣдняжка, какъ она страдаетъ! Ему стало жаль этого большого ребенка, въ которому такъ можно заговорить инстинктъ материнства. Онъ чувствовалъ, что она во многомъ права, но, какъ утешающей, цѣплялся за упывающую соломинку счастья.

— Ну, скажи, Зина, къ чему опять эти мысли, самоугрызеніе? Твои дѣвочки еще такія маленькия, и развѣ ты должна

диль къ концу. Они встрѣтились, людей было уже мало, и они сошлись. Сначала они гуляли вмѣстѣ съ другими, потомъ, по нѣмому уговору, одни. Онъ сталъ наѣщать ее. Она была такъ одинока: мужъ ушелъ съ головой въ свои дѣла и былъ ей совершенно чуждъ. А ея молодое сердечко такъ жаждало дружбы, любви... И онъ былъ одинокъ со своей работой, своими думами, вѣчнымъ развѣдающимъ самоанализомъ. Въ ея чистой, ясной душѣ, какъ въ благоуханіи едва распустившагося цветка, онъ черпалъ жажду жизни, новыхъ силы и надежды. Она стала ему необходима,

какъ воздухъ, какъ солнце, какъ голубыя улыбки неба. И въ одинъ сентябрьскій вечеръ, когда звѣзды блестали равнодушно и холодно, какъ брилліанты, онъ взялъ въ руки ея головку съ пышной волной бѣлокурыхъ волосъ и прижался къ ея краснымъ горячимъ губамъ; онъ цѣловалъ ея голубые вопрошающіе глаза, потомъ опять ея полуоткрытый дѣтскій ротикъ. Онъ не чувствовалъ никакого сопротивленія—онъ былъ любимъ...

Въ городѣ они переписывались, потомъ она пришла къ нему, и началось блаженное время, словно сказочный сонъ. «О, эти незабвенные минуты въ сумерки у горящаго камина! Она прижималась къ нему и слушала... Ея глаза были устремлены на пылающія полѣнья, но душа витала гдѣ-то далеко, какъ у дѣтей, слушающихъ сказку. А онъ все говорилъ. О чёмъ? О своей работѣ, о своихъ планахъ и надеждахъ, о значіи и творчествѣ. Передъ ней раскрывался новый міръ, великий, прекрасный міръ духа, духовной борьбы и побѣдъ. Все свое міросозерцаніе, выстраданное въ долгія безсонныя ночи, среди безсильныхъ слезъ и блаженныхъ восторговъ, выкладывалъ онъ передъ ней. Ей казалось, что у ея ногъ разстилается прекрасное звѣздное небо. Она прижималась къ нему, горячо жала его руку, поднимая на него свои глаза Мадонны, и слушала. Онъ чувствовалъ,

Къ открытию финляндскаго сейма.

Шествіе депутатовъ изъ сейма въ соборъ. Въ срединѣ первого ряда предсѣдатель сейма Свенгуудъ.

В. И. Живокини.
Къ столѣтію со дня рожденія артиста

В. А. Берсъ,
городской инженеръ, завѣдывавшій об-
щественными работами въ галерной га-
вани въ Петербургѣ. Убитъ 19 мая
около часу дня, на мѣстѣ производства
работъ.

Д. К. Нюрбергъ,
городской инженеръ, убитый вмѣстѣ
съ В. А. Берсомъ, 19 мая.

какъ въ ней пробуждается новый міръ; въ ней, выросшей среди беззвѣтной купеческой семьи, въ царствѣ короля-золота, филистерскихъ взглядовъ и грубаго наслажденія жизнью, забилъ прекрасный источникъ духа. Онъ чувствовалъ, какъ она впитываетъ часть его души, его жизни, его надеждъ...

И съ каждымъ днемъ росла его любовь къ ней; ея письма, наивной непосредственностью отражавшія ея духовное преображеніе, были для него откровеніями, ея посвѣщенія—праздниками. И идеально, чисто, платонически онъ любилъ ее всю со всѣми ея слабостями и недостатками,

съ ея парадоксами, логическими скачками, припадками мелочной ревности.

— „Ну, прощай, милый, будь счастливъ“. Онъ очнулся отъ прекраснаго сна. Конченъ прекрасный праздникъ Догорѣли огни, облетѣли цветы! И съ горечью онъ думалъ: ты ей больше не нуженъ: у нея ея дѣти и книги...

— Прощай, моя дорогая, ненаглядная Зиночка! Онъ прижался своей волосатой щекой къ холодному мрамору ея щечки. Потомъ онъ пристально заглянулъ въ ея затуманенные глаза. Послѣдній поцѣлуй. Рукопожатіе...

— „Прощай. Псомни же, отвѣчай кратко на мои письма...“

И она ушла. Въ дверяхъ она обернулась, но онъ не могъ различить черты ея лица, и только въ легкомъ дуновеніи онъ болѣе угадалъ, чѣмъ услышать: прощай!

Онъ прижался подергивающимся тѣломъ къ холодному стеклу. Тамъ, внизу, гудѣла немолчная жизнь. Дикая погоня за золотомъ, любовью, наслажденіемъ. Вотъ она появилась среди клокочущаго моря, легкая и граціозная, какъ всегда. Она обернула лицо къ нему и замахала

Джонъ Редмондъ,
знаменитый ирландский лидеръ.

Капитанъ Пири,
въ шестой разъ отправляющейся на
дняхъ въ экспедицию къ съверному
полюсу.

В. А. Косяковъ,
директоръ института гражданскихъ инженеровъ.

платочкомъ. Еще мгновение — и она исчезла въ толпѣ. Навсегда! Онъ упалъ въ свое рабочее кресло и закрылъ лицо руками, какъ бы стыдясь облегчающихъ слезъ, покатившихся по его блѣднымъ щекамъ. И вся будущая жизнь казалась ему такой же мрачной и холодной, какъ полу-темная осиротѣвшая комната, въ которой онъ сидѣлъ.

II. Старикъ.

Снѣжные хлопья, крупные и хохлатые, веселой, хлопотливой толпой торопятся на землю, какъ бы не подозрѣвая близкой, мгновенной смерти, ожидающей ихъ среди уличной грязи. Сквозь почти сплошную бѣлую стѣну я изъ моего окна едва различаю старика на углу, напротивъ. Въ бѣлой отъ снѣга широкополой шляпѣ и длиннополомъ балахонѣ старикъ со своей огромной сѣдой бородой и пушистыми бровями похожъ на рождественского дѣдушка, и, какъ у этого доброго генія дѣтей, и у него котомка, только не за спиной, а за поясомъ; онъ вынимаетъ оттуда дары и награждаетъ ими людей...

Каждый день, къ полудню, старикъ появляется на своемъ посту. Когда отъ магическихъ 12 ударовъ, словно ударовъ волшебного жезла, тихая улица вдругъ оживаетъ и разливается волнами спѣшащихъ людей, старикъ вынимаетъ изъ котомки пачку листковъ-рекламъ. Острыми иглами своихъ пытливыхъ глазъ онъ впивается въ толпу и отмѣчаетъ достойныхъ.

Сегодня онъ удостаиваетъ цвѣтнымъ листкомъ только прилично одѣтыхъ мужчинъ, съ печатью легкомысленной жажды жизни на челе: франтоватыхъ чиновниковъ, студентовъ въ цвѣтныхъ шапочкахъ, щеголеватыхъ молодыхъ чиновниковъ и моложавыхъ стариковъ въ шубахъ, цилиндрахъ и яркихъ перчаткахъ. И я уже знаю, что цвѣтные листки при-

Жанна Дѣлафуа

одна изъ самыхъ извѣстныхъ женщинъ въ современной Франціи. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ трехъ или четырехъ женщинъ, которымъ правительство разрѣшило носить мужское платье по-всюду. Впервые она надѣла мужской костюмъ, когда сопровождала своего мужа въ его археологической поездкѣ въ Персію. За эту экспедицію Ж. Дѣлафуа была награждена орденомъ Почетнаго Легіона.

глашаютъ избранныхъ въ новооткрытый ресторанъ или кофейню съ дамскимъ оркестромъ или съ кельнершами — интернациональными красавицами... Отмѣтивъ достойнаго, старикъ отдѣляетъ отъ пачки листокъ, дѣлаетъ шагъ впередъ и жестомъ, въ которомъ грація соединяется съ чѣмъ то величественнымъ и властнымъ, предлагаетъ листокъ прохожему. Но, увы, этотъ жестъ, который способенъ вызвать зависть королей, не всегда производитъ свое дѣйствіе: многіе избранники, едва удостоивъ взглядомъ старика и его протянутую руку съ краснорѣчивымъ листкомъ, спѣшатъ мимо. Можетъ быть, имъ уже знакомо содержаніе листковъ, и они давно разочаровались въ музыкальныхъ и другихъ красавицахъ, а можетъ быть они прямо голодны и думаютъ только о сытномъ обѣдѣ послѣ утреннихъ трудовъ, или же имъ неохота вынуть руки изъ теплыхъ кармановъ... Кто знаетъ?! Кто разгадаетъ измѣнчивую душу жаждущихъ жизни юношей и стариковъ?! Я только вижу, какъ старикъ съ протянутой рукой застываетъ въ фигуру негодованія, и вслѣдъ за обманувшими его довѣріе прохожими несутся изъ-подъ насупленныхъ бровей перуны разгнѣваннаго Юпитера; они преслѣдуютъ и тѣхъ, которые, едва кинувъ взглядъ въ цвѣтной листокъ, равнодушно кидаютъ его прочь. Старикъ укоризненно качаетъ головой и печальнымъ взглядомъ обнимаетъ брошенные листки, какъ будто это его любимые внуки барахтаются въ грязномъ снѣгу. И, не знаю почему, мнѣ жаль этихъ яркихъ листковъ, не выполнившихъ своего назначенія, кидаемыхъ вѣтромъ среди грязнаго мѣсива улицы, затаптываемыхъ людьми и колесами омнибусовъ. Можетъ быть, мнѣ жаль ихъ потому, что они напоминаютъ мнѣ живыхъ существъ; они напоминаютъ

мнѣ ненужныя, скомканныя человѣческія жизни, кидаемыя по свѣту жестокой судьбой, затаптываемыя въ грязь холоднымъ равнодушіемъ людей.

Такова была и жизнь этого старика.

Послѣ обѣда я его часто встречалъ въ громадной читальнѣ, гдѣ за мѣдные гроши можно пощупать трепещущее, судорожно мятущееся сердце міра, гдѣ изъ печатныхъ столбцовъ, какъ въ стекла панорамы, виденъ пестрый базаръ жизнѣской суеты съ его горестями и радостями. Но старикъ, какъ казалось, весь уходилъ не въ эту вѣшній міръ, а въ свой внутренній міръ, въ свое далекое прошлое. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за столикомъ, съ газетой въ рукахъ, но его глаза рѣдко скользили по чернымъ строчкамъ, а больше глядѣли передъ собой или устало смыкались подъ пущистыми бровями. Его высокій лобъ, переходившій въ могучій, обнаженный черепъ, обтянутый желтой, какъ пергаментъ, кожей, сухой профиль, характерный и породистый, его красные, но длинные и изящные пальцы—все какъ-то странно гармонировали съ порыжѣвшимъ балахономъ и грязнымъ бѣльемъ на шеѣ и съ ролью старика, которая мнѣ знакома была по наблюденіямъ изъ окна. Старикъ заинтриговалъ меня, и то, что я узналъ отъ хозяйки читальни, оправдало мои предположенія объ ужасной трагедіи.

— „Ахъ, этотъ бѣдняга, герръ фонъ-Франціусъ, отвѣтила хозяйка на мой вопросъ. Представьте себѣ—онъ изъ хорошей дворянской семьи, обладалъ въ молодости громаднымъ состояніемъ, имѣлъ большую типографію. Что собственно вышло—я доподлинно не знаю, говорятъ—женщина. Словомъ, онъ совершилъ подлогъ, покушался на убийство и надолго попалъ въ каторжную тюрьму. И тюрьма навсегда разбила его жизнь! Отъ бывшаго каторжника всѣ отшатнулись, какъ отъ зачумленного, даже семья его. Падаль онъ все ниже и ниже и сталъ раздавальщикомъ рекламъ. Все печатное его по старой памяти притягиваетъ, съ печальной улыбкой прибавила моя собесѣдница. Вотъ и къ намъ заходитъ... Бѣдный старикъ!“...

* * *

Вечеромъ подморозило, улицы покрылись бѣлой пеленой, и въ холодномъ воздухѣ рѣзко отчеканивался гулъ лихорадочно-жадной до наслажденій толпы. На бойкой Фридрихштрассе я увидѣлъ старика недалеко отъ входа въ Варьете, съ пачкой красныхъ картонныхъ листковъ въ рукахъ. Мнѣ стало ясно, что и это „веселая реклама“. Измѣривъ меня съ головы до ногъ и, очевидно, найдя во мнѣ что-то легкомысленно-беззаботное, старикъ обычнымъ жестомъ протянулъ мнѣ красный листокъ. Онъ звалъ на борьбу „роскошныхъ красавицъ“, что и было иллюстрировано двумя полуголыми женщинами, схватившимися другъ съ другомъ. Но, казалось, онъ менѣе думаютъ о самой борьбѣ, чѣмъ объ эффектномъ позированіи своими пышными обнаженостями.. Мнѣ жаль стало старика съ красными одеревенѣлыми пальцами, топтавшагося на мѣстѣ, чтобы согрѣться отъ холода и, видя, какъ онъ озабоченно слѣдить за моими движеніями, я не бросилъ листка, а положилъ его въ карманъ. И мнѣ казалось, что онъ одобрительно кивнулъ головой. Въ эту минуту онъ былъ счастливъ, что его трудъ не пропадаетъ даромъ: если не сегодня, можетъ быть, я въ другой день пойду смо-

М. Поповичъ,
новый сербскій посолъ при русскомъ дворѣ.

трѣть на борьбу красавицъ... Но, увы, другіе были менѣе милостивы, и брошенные красные листки съ роскошными чемпионками кровавыми пятнами обагрили бѣлую снѣжную скатерть. Мнѣ казалось, что это капли крови, медленно сочащіяся изъ истерзанного стариковскаго сердца на чистыя мечты его молодости.

И кровавый листокъ въ карманѣ нѣмъ укоромъ жегъ мнѣ душу... Л. Л.

Совѣты по Садоводству.

Въ началѣ іюня, если деревья съ хорошимъ урожаемъ, то обязательно надо плоды опрыскивать растворомъ „зелени“ и мѣдного купороса съ известью ($4\frac{1}{2}$ ф. каждого на 17 вед. воды). Въ 3-й разъ такое опрыскиваніе ($\frac{1}{4}$ ф.) всего болѣе обеспечить плоды отъ пораженія „росою“ и убиваетъ гусеницъ „плодожорки“, которая портятъ плоды и дѣлаютъ ихъ, какъ говорятъ, „червивыми“, а потому и малоцѣнными.

Только 2—3 кратное опрыскиваніе противъ плодожорки дѣйствительно, такъ какъ чрезвычайно затруднительно уловить моментъ кладки яицъ этой ночной бабочки. Третье опрыскиваніе производить, когда плоды будутъ величиной въ лѣсной орѣхъ, не позже.

Не слѣдуетъ опасаться, что плоды будутъ испорчены или отравлены растворомъ послѣ опрыскиванія,—черезъ недѣлю или черезъ двѣ ихъ можно безъ всякаго вреда употреблять въ пищу.

Во второй половинѣ іюня, а иногда и въ юлѣ, въ садахъ появляются гусеницы „листовертки“ или „яблоневой огнев-

ки“. Листья на яблоняхъ, пораженныхъ этою гусеницею, свертываются въ трубочки, желтѣютъ и сохнутъ. Въ срединѣ трубочки всегда бываетъ червячекъ очень подвижной, свѣтло-зеленаго цвета. Гусеницы эти также называются „вертушки“

При большомъ появленіи ихъ надо опрыскивать листья табачнымъ растворомъ съ мыломъ. Табакъ (обыкновенная махорка) варится въ котелѣ и потомъ разбавляется водой. Возможно и противъ „огневки“ опрыскиваніе растворомъ „зелени“ ($\frac{1}{4}$ ф. на 17 вед. воды) и мѣднаго купороса съ известью (по $4\frac{1}{2}$ ф. на 4 вед. воды).

Нѣкоторыя хозяйственныя подробности опрыскиванія плодовыхъ деревьевъ.

Прежде нежели приступить къ опрыскиванію, до начала хода работы слѣдуетъ позаботиться приготовить:

1. Кадку на 10 или на 20 ведеръ воды для смѣщенія раствора; лучше всего кадку помѣстить близь пруда, рѣки или колодца, чтобы не носить далеко воду.

2. Двѣ малыхъ кадочки для раствора купороса и извести.

3. Кадку для переливанія раствора при насосѣ, въ которую погружается всасывающей рукавъ опрыскивателя. При переливаніи въ эту кадку раствора сверху накладывается металлическая сѣтка для процѣживанія раствора.

4. Нѣсколько ведеръ для переноски раствора по различнымъ мѣстамъ сада во время работы опрыскивателя.

5. Одинъ деревянный пестикъ для размельченія купороса въ кадкѣ до вливанія горячей воды.

6. Точные вѣсы для взвѣшиванія купороса и парижской зелени.

7. Нѣсколько сѣтчатыхъ очковъ для рабочихъ. Безъ очковъ у рабочихъ, производящихъ опрыскиваніе, будутъ болѣть глаза отъ постояннаго осадка распыляемаго раствора.

Первый растворъ купороса, извести и парижской зелени надо приготовлять съ вечера или очень рано утромъ, до прихода рабочихъ. Если же растворъ не будетъ приготовленъ заблаговременно, то рабочие остаются безъ работы около 2-хъ часовъ. Во время завтрака, обѣда и полудня, работы простоянавляются всего на 4 часа. Въ это время надсмотрщикъ тщательно пересматриваетъ опрыскиватель, рукава и наконечники и производитъ требуемыя исправленія и починки.

Необходимо рабочихъ познакомить съ разборкою для прочистки наконечниковъ, такъ какъ во время опрыскиванія, несмотря на процѣживаніе раствора черезъ сѣтку, все-таки попадаютъ твердые примѣси и засоряютъ наконечники.

Лошадь, перевозящая насосъ, должна быть покрыта попонаю или рогожею.

Необходимо помнить, что вышеприведенная ядовитыя жидкости разѣдаются части насоса и опрыскивателя, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и потому опрыскиватель по окончаніи работы долженъ быть основательно промытъ чистою водою, до возможно полнаго удаленія находившихся въ немъ остатковъ распыляемой жидкости. Если этимъ пренебрегать, то опрыскиватели скоро портятся и становятся негодными къ употребленію, почему на промывку опрыскивателя чистою водою по окончаніи работы должно обратить строгое вниманіе.

М. Балабановъ.